

ДОСТОЕВСКІЙ И БИБЛІЯ

(ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ)

(Глава изъ книги «Достоевскій и духовная литература»)

Ветхій Завѣтъ игралъ въ творествѣ Достоевскаго несомнѣнно слабѣйшую роль, чѣмъ Новый; все же онъ имѣлъ не только фразеологическое значеніе въ жизни и творествѣ писателя. Первой, повліявшей на Достоевскаго въ религіозномъ смыслѣ книгой, была книга Іова; она потрясла его сердце, зажгла религіознымъ огнемъ фантазію и распалила воображеніе. Ребенкомъ представлялъ онъ себѣ все богатство Іова, его стада верблюдовъ, его праведность и несчастіе. «Былъ мужъ въ землѣ Унь, говоритъ Зосима-Достоевскій, праведный и благочестивый» и «предалъ Богъ Своего праведника, столь Имъ любимаго, діаволу и поразилъ діаволь дѣтей его, и скотъ его, и разметалъ богатства его»... Писатель описываетъ, какъ чувствовалъ въ юности «тогда удивленіе, и смятеніе и радость. И верблюды то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба Своего на погибель, и рабъ Его, восклицающій: «Буди имя Твое благословенно, не смотря на то, что казнишь меня».

И въ зрѣломъ возрастѣ еще болѣе трогала писателя книга о многострадальномъ Іовѣ, да и не одна она. Достоевскій уже въ молодые годы проявляетъ интересъ къ Библии. Будучи въ тюрьмѣ, онъ проситъ брата Михаила прислать ему «библію — оба завѣта», онъ желаетъ сличать для точности смысла церковно-славянскій и французскій переводы. И въ острогѣ, куда не украли у него книгу, художникъ имѣлъ возможность читать и просматривать свою собственную библію. Нѣкоторые намеки и рядъ цитатъ (см. ниже) указываютъ на то, что Библия, т. е. Ветхій Завѣтъ, была предметомъ постояннаго вниманія писателя. Кромѣ мудрости многихъ изреченій и боговдохновенной сущности ученія о Богѣ и мірѣ, думается, три

стороны Библии останавливали на себѣ вниманіе писателя: отношеніе правъ чловѣка къ власти Бога (книга Іова), Славословіе Бога (Псалтирь) и сюжетно-дидактическая сторона (кн. Бытія, Эсфирь, Іоны и т. д.).

Библия, и въ частности, Ветхій Завѣтъ Боговдохновенны. Эту мысль по своему, и какъ то совсѣмъ особенно выражаетъ художникъ въ «Дневникѣ Писателя» (1876, III), говоря объ англійской «церкви атеистовъ», гдѣ читается и лобзается «святая книга». «Зачѣмъ же они цѣлуютъ Библию, благоговѣйно выслушиваютъ чтеніе ея и плачутъ надъ нею? А затѣмъ, что отвергнувъ Бога, они поклонились «Человѣчеству»... А что было чловѣчеству дороже этой святой книги въ продолженіи столькихъ вѣковъ? Они преклоняются теперь передъ нею за любовь ея къ чловѣчеству и за любовь къ ней чловѣчества. Она благодѣтельствовала ему столько вѣковъ, она какъ солнце свѣтила ему, изливала на него силу и жизнь». Достоевскій сопоставляетъ далѣе «церковь атеистовъ» со словами Версилова изъ его «исповѣди» о мирномъ, любовномъ характерѣ конца эпохи безбожія передъ завершеніемъ всего земного пути чловѣчества. Сходство здѣсь въ обожаніи и любви къ предмету былой вѣры. Но самъ то писатель убѣжденъ, что Библия есть вѣчная книга, книга книгъ, источникъ силы и жизни. Въ мірѣ нѣтъ чистаго атеизма, нѣтъ настоящаго равнодушія къ Библии, къ вѣрѣ, а есть у глубокихъ людей періодъ медленнаго духовнаго угасанія, какъ только утеряна вѣра — источникъ жизни. Для Достоевскаго характерно и полное исключеніе изъ чловѣчества его даже болѣе многочисленной нехристіанской части — она какъ бы не существуетъ. Но прежде всего въ мысляхъ писателя о чловѣчествѣ и его историческомъ пути насъ останавливаетъ подчеркнута выявленная тенденція религіознаго толкованія всѣхъ проблемъ. Чловѣкъ созданъ Богомъ «по образу и подобію Своему», этому ученію библейскому вполнѣ слѣдуетъ и вѣрить Ф. Достоевскій. Какъ Богъ создавалъ чловѣка? Въ теченіе ряда вѣковъ, въ длительномъ процессѣ эволюціоннаго развитія земныхъ существъ, произвелъ его отъ животнаго, или свободно создавъ новую сущность? Всего этого мы, говоритъ писатель, не знаемъ; Дарвиновскія теоріи и другихъ, ему подобныхъ, эволюционистовъ, пока только лишь геніальныя гипотезы. А главное не мѣняютъ сущности проблемы; эволюціонное развитіе, толчокъ, первопричина и т. д. есть Богъ. «Въ Библии вовсе не объяснено, какъ Богъ лѣпилъ его изъ глины, взялъ отъ земли», замѣчаетъ въ 1876 г. Достоевскій о библейскомъ ученіи о созланіи чловѣка въ свѣтѣ новыхъ теорій. Главная мысль писателя подчеркнута имъ не разъ: какъ бы ни создавался чловѣкъ, онъ —

твореніе Божіе, въ него вложена Божественная частица, бессмертное духовное начало, высшее, неистребляемое смертью Я — носитель свѣта сознанія. Богъ сотворилъ челоуѣка и «вдунулъ въ него дыханіе жизни*»), говоритъ писатель, вспоминая Книгу Бытія и хотя «грѣхами челоуѣкъ можетъ обратиться опять въ скота», но и это — проявленіе той же его духовной, свободной природы, свободной въ добрѣ и во злѣ.

Первый опытъ символическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ историко-философскаго значенія свободы, наблюдается съ первыхъ шаговъ сознательной жизни челоуѣка. Стремленіе познать и Добро и Зло, стать «яко Бози**») приводитъ къ грѣхопадению людей. Всѣ взрослые люди несутъ въ себѣ грѣхъ прародителей и сами идутъ ихъ же путемъ, говоритъ Достоевскій устами Ивана Карамазова. Утопія, попытка разумомъ и только челоуѣческими силами низвести царствіе Божіе на землю, отразилось въ повѣствованіи Библии о столпотвореніи Вавилонскомъ. Люди стремились достигъ неба съ земли, создать городъ и башню, которая касалась бы самого неба***); они желали достигъ божественнаго съ помощью земнаго и были наказаны смѣшеніемъ языковъ. Намеки на такое пониманіе разсѣяны въ творествѣ Достоевскаго и видимо на Вавилонское столпотвореніе намекалось въ упоминаемой въ «Бѣсахъ» «поэмѣ» Степана Трофимовича. Всякая попытка «устроиться на землѣ», «отвергнувъ Бога», кончается трагически, ибо не можетъ челоуѣчество порвать съ «Источникомъ жизни и силы».

Осмысленіе Библии давало Достоевскому опору для сужденій о социализмѣ, о католицизмѣ, объ утопіи «земнаго рая» безъ Бога. Богъ вложилъ частицу Себя въ челоуѣка и только въ «уподобленіи Богу», приближеніи къ Нему черезъ Христа цѣль челоуѣчества и его земнаго бытія, училъ художникъ. Но кромѣ вопросов о происхожденіи и цѣли жизни, Библия и ея толкованіе отразились и на проблемахъ праведности, грѣха, воздаянія и смысла страданій челоуѣка.

Люди въ жизни истиннаго, проникнутаго духомъ христіанства, общества не имѣли бы права осуждать и наказывать осужденіемъ грѣхъ, проступокъ челоуѣка. Людямъ не дано отъ Бога право осужденія, но сила любовнаго прощенія. Къ этому вопросу не разъ возвращается писатель и интереснѣе всего эта проблема ставится и разрѣшается въ «Дневникѣ Писателя». Достоевскій говоритъ: «Анна Каренина» Л. Толстого — фактъ особаго значенія», романъ одного изъ «нашихъ учи-

*) Кн. Быт. гл. II, 7, ср. тамъ же, гл. I, 26-27.

**) Кн. Быт. III, 5. — Цит. Ивановъ Карамазовымъ, безъ ссылки на Библию.

***) Быт. XI, 4, сл.

телей». Это произведение, которое «может отвѣчать за насъ Европѣ»; по его мнѣнію, эта книга составляетъ уже наше національное «новое слово». Почему же такъ? Потому, что въ «Аннѣ Карениной» проведенъ взглядъ на виновность и преступность человѣческую». Во взглядѣ на виновность и преступленіе Л. Толстого, Достоевскій усматриваетъ глубокое своеобразіе. Въ отличіе отъ рационалистическаго взгляда Европы, гдѣ преступленіе карается юридически и мечтается, что уничтоженіе бѣдности и организація труда спасутъ человѣчество отъ преступленія, ибо преступленіе есть уклоненіе отъ нормальности и нормъ закона, Толстой смотритъ на дѣло иначе. Онъ не согласенъ съ «лѣкарями социалистами», онъ усматриваетъ глубинность, вкорененность въ основу мірового строенія существующихъ проявленій Зла. Толстой, по убѣжденію Достоевскаго, указываетъ на извѣчность существованія Зла и грѣховности въ душѣ человѣческой, на особые законы, законы жизни духа. Художникъ по своему толкуетъ знаменитый эпиграфъ: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ»*) обозначаетъ, что только Богъ имѣетъ право отмщенія, ибо «Ему одному лишь извѣстна в с я тайна міра сего и окончательная судьба человѣка». Пусть помнитъ человѣкъ, что и онъ грѣшенъ и погрѣшимъ, подверженъ ошибкамъ и самъ судья долженъ памятовать, что истинный единственно вѣрный путь, есть путь М и л о с е р д і я и Любви... и можетъ быть и «онъ воскликнетъ въ страхъ и недоумѣніи: «нѣтъ, не всегда мнѣ отмщеніе и не всегда азъ воздамъ», замѣчаетъ писатель.

Если мы обратимся къ библейскому тексту, то прочтемъ упомянутый стихъ дважды: одинъ разъ въ Ветхомъ**) и одинъ разъ въ Новомъ Завѣтѣ***). Въ обоихъ случаяхъ легко обнаружить, что самъ по себѣ взятый смыслъ стиха «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ» и прилегающихъ къ нему стиховъ ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣхъ не даютъ права для толкованія ихъ въ духѣ Достоевскаго, тѣмъ болѣе, что и переводъ на церковно-славянскій яз. не вполне точенъ. Какъ увидимъ ниже, Достоевскій примыкаетъ въ манерѣ толкованія смысла Св. Писанія къ духу символическаго толкованія, типичнымъ создателемъ котораго въ древности былъ Оригенъ.

Въ исторіи толкованія и подхода къ Библии въ литературахъ богословско-спеціальной, философской и беллетристической мы наблюдаемъ въ основѣ двѣ школы, два теченія: первое пытается отыскать буквальный смыслъ, возстановитъ первоначальный точный текстъ, а второе ищетъ скрытаго симво-

*) Анна Каренина, ч. I.

**) Втор. XXXII, 35-36.

***) Посл. къ Евреямъ, X, 30, сл.

ла, «стремится къ духу Писанія». Достоевскій всецѣло примыкаетъ къ второму направленію. Въ Библии ясно говорится объ отмщеніи Бога за грѣхи, явно стоятъ слова угрозы карой за нарушеніе завѣта. Достоевскій дѣлаетъ попытку сдѣлать удареніе на словѣ *Азъ*. Толстой понимаетъ текстъ Библии въ духѣ Ветхаго Завѣта, въ формахъ закона Моисеева. Если ты нарушаешь законъ Божественный, если идешь по пути удовлетворенія демона страсти, то получишь воздаяніе по дѣламъ своимъ. Достоевскій, возставшій противъ ученія Л. Толстого о непротивленіи Злу силой, всецѣло старается истолковать это своему, м. б., по евангельски новозавѣтному, текстъ Библии, эпиграфы и самъ смыслъ романа. Онъ учитъ: не мстите и не бросайте камнемъ въ грѣшницу, ибо и вы грѣшны (черновикъ къ «Нечокѣ Незвановой»), предоставьте мщеніе Богу («Анна Каренина»)... Когда Господь будетъ судить народъ Свой: то надъ рабами Своими умилосердится; потому что Онъ увидитъ, что рука ихъ ослабѣла, и не стало ни раба, ни свободнаго... Я умерщвляю и оживляю, поражаю и Я исцѣляю; и никто не избавитъ отъ руки Моей***).

Другую сторону отношенія уже не человѣка къ человѣку, а Бога и человѣка затрагиваетъ писатель въ толкованіи Книги Іова. Эта книга волновала его всегда какъ то особенно. Самъ — «многострадальный Іовъ русской глубокоскорбной и страждущей литературы», онъ искалъ опоры, утѣшенія и оправданія въ книгѣ о жизни, мукахъ и радости благочестиваго мужа изъ «земли Унъ». Много разъ задумывался художникъ надъ причиной, смысломъ и значеніемъ человѣческаго страданія, но особенно затрагивали его, конечно, страданія дѣтей и праведныхъ, ибо и тѣ и другіе суть страдальцы невинные, или невинные. Вопросъ, «почему страдаютъ добрые и благоденствуютъ злые» былъ названъ въ новое время Г. Гейне «проклятымъ вопросомъ». Попытка рѣшить этотъ вопросъ сдѣлана Достоевскимъ подробнѣе всего въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» въ опытѣ толкованія книги Іова. Не случайно, что его (при чтеніи книги Іова еще въ эпоху писанія «Подростка») такъ раздражали «подлѣйшія примѣчанія переводчика»; и въ то же время Достоевскій говоритъ, что благодаря чтенію Библии онъ былъ тогда «почти счастливъ». Во взглядѣ художника на книгу Іова прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть попытку ее своеобразной стилизации. Всѣ строфы отчаянныхъ жалобъ Іова друзьямъ, всѣ вопли къ Богу изнемогающаго подъ бременемъ мукъ и страданій человѣческаго Я забыты, хотя съ историко-литературной точки зрѣнія въ словахъ Іова, порой, звучатъ ноты

***) Втор. XXXII, 36, 39.

не только протеста, но даже и нѣкотораго бунта. Все это словно прошло мимо чуткаго уха Достоевскаго, Іовъ сдѣланъ абсолютно покорнымъ волѣ Божіей, безропотно, величаво смиреннымъ. Это первое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Второй особенностью толкованія Достоевскаго служитъ его ученіе о тайнѣ въ мірѣ и о «мимоидущемъ ликѣ земномъ», касающемся вѣчности. Два основные вопроса, во первыхъ, какъ могъ Богъ ради «превозношенія» предъ Сатаной дать своего праведника въ руки діавола, и, во вторыхъ, какъ можно найти утѣшеніе и оправданіе Божіей воли въ новыхъ дѣтяхъ, когда невинно погибли всѣ прежнія, находятъ у Достоевскаго объясненіе въ т а й н ѣ. Писатель утверждаетъ, что «прежнее горе» великою тайною силой, дѣйствующей въ мірѣ, обращается послѣ въ радость. Іовъ въ скорби о прежнихъ дѣтяхъ и въ веселіи отъ новыхъ находилъ своеобразную высшую радость бытія, радость мимоидущаго въ соприкосновеніи съ Вѣчнымъ. Нѣтъ скорби смертной, тому, кто пребываетъ въ духовной связи съ Богомъ. Здѣсь писатель своеобразно подчеркиваетъ свою постоянную идею объ о б е з ц ѣ н е н і и жизни безъ Бога. Для невѣрующаго нѣтъ утѣшенія не только въ вѣрѣ въ потустороннюю жизнь, нѣтъ, одиночество его глубже и полнѣе. Невѣрующій не соприкасается Богу, не благодаритъ его смиренно за несчастіе и за радость. У него нѣтъ утѣхи въ благочестивомъ раздуміи и сердечномъ, умиленномъ восхваленіи Бога. Невѣрующій одинокъ; несчастіе смерти не оправдано, механично (случайно, невознаградимо; время поглощаетъ и его близкихъ и его самого неотвратимо, неизмѣнно и безъ остатка. Только вѣрующій помнитъ, что на ряду съ «мимоидущимъ ликомъ земнымъ» есть еще ликъ иной, вѣчный, просвѣтленный и благодаритъ за него Господа своего. Временное течетъ, ибо течетъ наша жизнь во времени, но само по себѣ «время не существуетъ», ибо оно «отношенія небытія къ бытію», по словамъ Достоевскаго, а вѣчная жизнь коренится въ Богѣ. Въ вѣрѣ въ него надо искать опору, въ любви къ Нему прочное утѣшеніе, въ близости, въ стремленіи къ Нему — свѣтлую, неиспорченную радость хваленія, славословія, ибо приближаться къ Богу, значитъ его славословить. Источникомъ славословія для него была книга Псалмовъ, которая служила утѣхой ему и въ годы изгнанія. Кто увѣровалъ въ Бога, кто чувствуетъ Его любовь, тотъ надѣется обѣтованіями, прощаетъ грѣшниковъ; тотъ чаеетъ прихода того времени, когда «перекуютъ мечи свои на сошники и копья свои на серпы»*), тотъ не съ тайнымъ осужденіемъ и недовѣріемъ,

*) Кн. прор. Исайи, II, 4.

какъ Иванъ Карамазовъ, а съ восторгомъ повторяетъ слова книги пророка Исаяи: «И волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ агнцемъ, и леопардъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ и тельцомъ, левъ и волъ будутъ вмѣстѣ и малое дитя поведетъ ихъ»**). Примиреніе всѣхъ возможно лишь въ Богѣ и черезъ Любовь. Ветхій Завѣтъ объ этомъ пророчествовалъ. Новый открылъ тайну въ любви, указалъ путь. Такъ думалъ и училъ Достоевскій.

Кромѣ общаго, хотя и краткаго описанія связей творчества и идеологич. писателя съ библейскимъ текстомъ, слѣдуетъ отмѣтить способъ пользованія цитатами изъ Библии и степень знанія Достоевскимъ библейскаго текста. Нѣсколько примѣровъ покажутъ намъ съ достаточной ясностью весьма хорошее знаніе писателемъ Библии. Основой для такого рода сужденія служатъ, какъ это ни странно, ошибки Достоевскаго. Писатель не открывалъ книгу, не писалъ свои цитаты, глядя въ печатный текстъ, а дѣлалъ ихъ по памяти; ошибки, путаница въ стихахъ и т. п. являются лучшими свидѣтелями этого.

Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» старецъ Зосима дѣлаетъ особое перечисленіе лучшей христіанско-духовной литературы. Изъ Ветхаго Завѣта мы найдемъ тутъ кн. Бытія, Эсфирь, Іова и Іоны. Зосима совѣтуетъ читать народу объ Іосифѣ Прекрасномъ, особенно, тамъ, какъ его братья продали купцамъ, а «отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его». Это не совсѣмъ точно. Въ Библии читаемъ такіе стихи: «И взяли одежду Іосифа, и закололи козла, и вымарали одежду кровью; и послали разноцвѣтную одежду, и принесли къ отцу своему, и сказали: мы это нашли; узнавай, сына ли твоего это одежда, или нѣтъ. Онъ узналъ ее (т. е. Іаковъ) и сказалъ: это одежда сына моего; хищный звѣрь съѣлъ его; вѣрно, растерзанъ Іосифъ»*). Какъ видно, слова о звѣрѣ и все объясненіе дѣлаетъ самъ Іаковъ, а не братья Іосифа. Въ томъ же духѣ и «ошибка» въ слѣдующихъ словахъ Зосимы «Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ, какъ Исаакъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: «Страшно мѣсто сіе», и поразишь благочестивый умъ простолюдина». Въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе: въ XXVIII гл. кн. Бытія говорится о томъ, какъ Исаакъ посылаетъ Іакова къ Лавану; по пути въ Харранъ онъ, ночуя на полѣ, видитъ во снѣ лѣстницу, ангеловъ и Бо-

**) XI, 7.

*) Быт. XXXIII, 31-33.

га; послѣ слѣдуютъ слова: «И пробудился Иаковъ отъ сна своего, и сказалъ: точно, Господь присутствуетъ на этомъ мѣстѣ, а я не зналъ! И убоился, и сказалъ: какъ страшно это мѣсто»**). Борется же Иаковъ съ Богомъ много позже, уже убѣжавъ отъ Лавана и даже послѣ примиренія съ нимъ, а именно переды встрѣчей съ братомъ Исавомъ. Иаковъ въ тревогѣ и волненіи передъ встрѣчей съ братомъ одинъ ложится спать: «И остался Иаковъ одинъ и боролся нѣкто съ нимъ до появленія зари; и увидѣвъ, что не одолѣваетъ его, коснулся сустава бедра его; и вывихнулся суставъ бедра Иакова, когда онъ боролся съ нимъ. И сказалъ: отпусти меня; потому что взошла заря. Иаковъ сказалъ: не отпущу тебя, пока ты не благословишь меня... И нарекъ Иаковъ имя мѣсту Пенуель; потому что, говорилъ онъ, я видѣлъ Бога лицомъ къ лицу, и сохранилась душа моя»*). Какъ ясно изъ контекста здѣсь нѣтъ робости въ сердцѣ Иакова, да и Нѣкто говоритъ ему: «... Не Иаковъ будетъ называться имя твое, но Израиль; потому что ты боролся съ Богомъ и съ людьми и одолѣлъ»**). Вѣроятно же всего, здѣсь Достоевскій перепуталъ тексты потому, что ему казалось естественнѣе сказать «страшно мѣсто сіе», послѣ того, какъ вывихнута нога и Иаковъ цѣлую ночь боролся съ таинственнымъ противникомъ, чѣмъ послѣ мирнаго, прекраснаго сна. Такого же типа неточности и въ описаніи устами Зосимы пріѣзда братьевъ Иосифа въ Египетъ, пдѣ въ духѣ Достоевскаго, но не въ стилѣ Библии, Иосифъ (какъ бы) говоритъ своимъ братьямъ: «Люблю васъ и любя мучаю». Достоевскій, кромѣ того, ускоряетъ событія, соединяетъ эпизоды и то, что случается въ кн. Бытія далеко не сразу, сливается у писателя въ одно. Такъ событія главы XLIII, 29 сл. и гл. XLV, 1 сл. образуютъ въ пересказѣ Зосимы одно цѣлое, хотя въ Библии ихъ раздѣляетъ цѣлая глава. — Въ дальнѣйшемъ пересказѣ своемъ Достоевскій упоминаетъ о событіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ главъ***) и съ особенной любовью подчеркиваетъ пророчество объ Иисусѣ Христѣ въ словахъ Иакова о колѣнѣ Іудинѣ****).

Это не случайно, и характерно, — художникъ тянулся всегда отъ Ветхаго Завѣта къ Новому, къ своему идеалу Богочеловѣка, преображеннаго человѣка. Эта тяга видна и во всемъ ученіи его и въ упомянутой мелочи.

Д. Плетневъ.

**) Быт. XXVШ, 16, сл. — Церк. слов.: «Страшно мѣсто сіе».

*) Быт. XXXII, 25, сл.

**) Тамъ-же, XXXII, 27.

***) Быт. гл. XLVI; XLVШ; XLIX, 22-27.

****) Быт. XLIX, 8-12.